Рассказывал бывалый мужик в годах. Несмотря на возраст, все называли его просто Саня. Без отчества. Надо признать, его таланту рассказчика я даже позавидовал по-хорошему чуток. Куда там телевизионным юмористам, всем вместе взятым. Сразу не догадался, а в конце очень сожалел, что не записал повествование на видео. Столько прикольных словесных оборотов Саня выдавал!..

В конце восьмидесятых, тогда еще молодой парень, Саня загремел в лагерь. И совсем не пионерский. Попал в переплет, как большинство первоходов, по глупости. Но отвечать пришлось по всей строгости закона. Получил семь лет и отправился этапом в одну из строгих колоний Ивдельского округа.

Где-то с год-два сидел спокойно и валил лес, как все. А потом с воли стали приходить плохие вести. Жена запила по-черному, совсем позабыв про воспитание их дочки-второклассницы. Родни близкой и надежной у семьи не водилось, поэтому молодой папашка очень переживал за судьбу единственной и любимой кровиночки, находившейся вдали за полтыщи километров. Догадывался, что слабохарактерную жену нарочно спаивали корыстные люди, чаявшие таким образом лишить пьяницу родительских прав. А безнадзорное дитя отправить в детдом и прибрать к рукам освободившееся жилье.

Последней каплей стало письмо дочуры, все закапанное слезами, в котором она просила папу поскорее возвращаться.

И зэк, не находивший себе места последние два месяца, решился на побег. К тому времени примерным поведением он завоевал доверие у администрации. Часто попадал в наряды по столовой, в которых удавалось ненадолго отлучаться за колючку — выбрасывать на самостийную свалку в лесу накопившиеся отходы кухонного и прочего лагерного производства.

В один из таких мусорных выходов Саня, улучив удобный момент, кинулся в бега. Заодно прихватив на ходу заранее припрятанное неподалеку от свалки списанное казенное байковое одеяло. На ту пору стоял сентябрь, и ночами в лесу становилось прохладно.

Несся не чуя ног, не разбирая дороги. Примерное направление побега он знал, но в первые секунды было не до того. Главное, пока не хватились с собачками, оторваться как можно дальше.

В бешеном спурте продираясь сквозь кусты и молодые елки, с удивлением отметил, что не слышит сзади запоздалых выстрелов конвоира. Наверное, растерялся солдатик. Молоденький парнишка. Пока вернется в зону (свалка от колючки метрах в семистах) и поднимет тревогу, есть в запасе еще минут пять-десять…

Но лагерная сирена взвыла лишь через четверть часа. Тогда только беглец догадался, что парнишка-конвоир нарочно дал фору, чтоб больше шансов спастись было. Точно. Они ведь с ним нормально общались, хотя и не было уговору содействовать побегу. Спасибо, браток!..

Не сбавляя темпа, хотя уже с трудом, зэк продолжал углубляться в тайгу. Несколько раз перепрыгивал лесные ручьи, запутывая след. Километров через пятнадцать безостановочного бега услышал шум воды. Скорректировал направление движения в ту сторону и через несколько минут выскочил на высокий скалистый берег, отвесно обрывающийся к журчащей далеко внизу речке. По-хорошему бы надо на другую сторону перебраться! Но где там… Вниз же со скалы не прыгнешь, как в кино! Расшибешься враз. Мелководье.

Помчал из последних сил по камням, поросшим мхом и травой, вдоль скалы, надеясь найти положистый спуск к воде. Но лесной берег на повороте неожиданно пошел вверх. Обидно-досадно, но ладно! Обратного пути все равно нет. Побежал в гору. Наконец, взобравшись на самую вершину, увидел долгожданный уклон вниз.

И тут нелепая случайность в один момент оборвала укрепившуюся было надежду на спасение. Совершенно вымотанный гонкой по бездорожью, парень неловко ступил на один из бесчисленных валунов, оскользнулся на мху и, подвернув ступню, грохнулся наземь. Нестерпимая боль, от которой Саня чуть не заорал в голос, пронзила от ноги все тело до кончиков волос.

Чуть полежав, растирая вывернутую стопу, беглый зэк попытался было встать и продолжить путь, но тут же со стоном повалился на камни. В ноге горело и нещадно ломило. При малейшем шевелении страшная боль заставляла скрипеть зубами. А через некоторое время пришлось сначала расшнуровать, затем и вовсе снять кирзовый ботинок, так как ступня распухала на глазах.

Тут, сквозь легкий шум воды внизу, до Саниных ушей донесся далекий собачий лай. Овчарки лагерные! Неужели все напрасно?!

«Может, все-таки проскочат мимо?» — мелькнула обманчивая слабая надежда.

Надо только хорошенько спрятаться, найти укромную щель, тогда есть шанс остаться незамеченным…

Затравленным взглядом осмотрелся вокруг. Место глухое, труднодоступное. Среди замшелых камней несколько довольно приличных валунов, за которыми можно схорониться. А вон неподалеку вообще козырное место: среди кривых береговых сосен огромный камень стоит торчком, как стена! И Саня на карачках, морщась от боли, пополз в его сторону.

Торчащий валун был почти правильной прямоугольной формы, высотой метра два. Весь поросший почерневшим от времени мхом. У его подножия — нагромождение более мелких камней да приямок, в котором Саня и нашел укрытие. Затаившись, стал прислушиваться к звукам погони, озираясь по сторонам сквозь щели в камнях. И хоть не был набожным человекам никогда, в те минуты принялся про себя шептать молитву о спасении.

На его удачу вечерело, в лесу стало быстро темнеть. Но вдруг шагах в полста от укрытия показалась одна из лагерных собак. Пегая овчарка металась туда-сюда среди камней, вынюхивая след. Ветер дул с реки от ищейки в сторону затаившегося зэка, который лежал, стараясь не дышать. Оружия у парня с собой не было, только одеяло. Даже подходящего камня поблизости он, пошарив глазами, не смог обнаружить. Все большие валуны…

Собака же явно чуяла след, нареза́ла круги буквально в нескольких шагах, но почему-то никак не могла наткнуться на такую легкую, казалось бы, добычу. По-

том, досадливо тявкнув, скрылась из вида. Саня еще минут десять напряженно прислушивался к звукам и вскоре с глубоким облегчением понял, что собачье гавканье постепенно удаляется...

Немного расслабившись, он наконец обратил внимание на муравьев-пожарников, которые облепили руки, разутую распухшую ногу и уже, пробравшись под одежду, лезли на шею и голову, нещадно кусаясь. В горячке как-то не до них было! А тут, глядь, всего в паре метров от его схрона, как раз за каменной плитой, огромный муравейник. Даже муравейничище! Кучу выше человеческого роста маленькие лесные работяги умудрились натаскать. Запах муравьиной кислоты резал глаза даже на расстоянии. Сколько же их там?! Наверное, из-за этого овчарка лагерная его не учуяла. Да и комаров с мошкой почти не видно. Хотя обычно в сентябре они еще жужжат вовсю…

Наступил поздний вечер, а затем темная таежная ночь. Вот и одеяло пригодилось. На всякий случай стараясь не издавать лишнего шума и не меняя дислокации, измученный парень завернулся в толстую ткань и провалился в чуткий, тревожный сон.

Сколько проспал, он не знал. Проснулся вдруг в непонятном страхе. Откинул с головы одеяло и прислушался. Вроде тихо… Но вдруг где-то близко раздался негромкий, глухой рев! Внутри все похолодело. Рев повторился. Теперь ближе. Мама дорогая!!! Медведя еще не хватало!

Глаза уже привыкли к темноте, и Саня различил громадный, двигавшийся в его сторону силуэт зверя. Это привыкшее к лесным запахам чудовище никакой муравьиной кислотой не проведешь. Он самих мурашей на завтрак хавает. Во, фыркает носом! Учуял чужака.

Огромный хищник неотвратимо приближался. В какой-то момент зэк даже пожалел, что его не поймала охрана с собаками. Лежал бы сейчас спокойненько в ШИЗО на бетонном полу с переломанными ребрами и в ус не дул! А с этим хозяином тайги, похоже, одними ребрами не отделаешься…

Саня напряженно всматривался в надвигающуюся темную фигуру медведя, с ужасом ожидая неминуемого и жуткого конца. Но, вразвалку подойдя шагов на десять, зверь остановился. Во тьме матово поблескивали два его зрачка, внимательно осматривавшие сжавшегося в комок беспомощного человечка.

Потоптавшись на месте какое-то время (Саня потерял счет ставшим вечностью минутам), медведь молча развернулся и, ловко перенося через скользкие камни свою здоровенную тушу, скрылся в темноте. Откуда вскоре раздался его громогласный рев, который ясно показывал, кто в доме хозяин. Потом рев прогремел снова, но уже в отдалении. Зверь уходил прочь, оставив человеку жизнь…

Мужик, постепенно приходя в себя от пережитого страха, даже с какой-то благодарностью подумал о медведе. Вот же животное! Мог одним ударом снести мне непутевую башку, а не стал. Найди меня собратья по разуму, то бишь лагерная охрана, вряд ли бы я дождался от них этакого благородства.

Когда в лесу рассвело, Саня попытался встать с лежки. Ухватившись за шершавые края торчащей каменной глыбы, подтянулся на руках, стараясь не опираться на травмированную ногу. Поднялся почти в полный рост, но тут мох, которым был покрыт камень, поехал под пальцами, отрываясь от каменной поверхности, и мужик мешком повалился обратно. Продрав от ссыпавшегося мха и пыли глаза, глянул вверх, чтобы найти понадежнее опору для второй попытки, и… обомлел! На оголившейся поверхности камня были выбиты буквы!!!

Любопытство придало сил и ловкости, так что через минуту изумленный беглый зэк читал: «Здесь покоится… Селивёрст… Родился 1777 года…»

Больше ничего разобрать не удалось, как ни скреб полустершиеся надписи. Ни фамилии-отчества, ни дня-месяца рождения, ни даты смерти. Хотя написано было много.

Саня тут же вспомнил, что прямоугольный камень сразу показался ему странноватым для глухого лесного места. Но вчера было не до философских размышлений. Значит, это чья-то могила… Причем давнишняя-предавнишняя. И без нечитаемых дат можно определить, что обелиск древний. Но кого могли похоронить здесь, на пустынном скалистом берегу посреди непроходимой тайги?.. Что за человек был этот Селивёрст?.. А может, в глубокую старину на этом месте жили люди?..

Много вопросов проносилось в голове. Даже травмированная нога позабылась. К тому же травма и впрямь стала менее болезненной. Можно даже стоять, если спокойно.

Дух искателя приключений и в такой экстремальной ситуации возобладал, так что, прежде чем отправиться в дальнейший трудный путь, Саня стал внимательно осматривать заброшенную могилу, переворачивая камни у замшелого надгробия. К своему удивлению и радости, у самого основания каменной стелы под толстым слоем слежавшейся до состояния дерна хвои наткнулся на длинный охотничий нож-медвежатник. Выполненная из кости рукоятка оружия растрескалась, но еще держалась на месте. Причем в ладонь левши Сани она легла как влитая. На рукоятке была выемка для большого пальца, как раз на левую руку. Видать, прежний хозяин тоже был левша.

С полчаса ушло на то, чтобы наточить ржавое затупившееся лезвие. Но старания были вознаграждены, и путник получил серьезного помощника в пути.

Напоследок зэк привел в порядок потревоженную домовину, так счастливо сохранившую ему свободу. Отскоблил найденным ножом весь мох с лицевой стороны памятника, выровнял камни у основания, положил небольшой букет последних цветов. И пожелав неизвестному Селивёрсту «земли пухом», сильно прихрамывая, двинулся в путь, стараясь не удаляться от реки.

Под вечер устроил себе ночлег в одной из расщелин скалистого берега и мигом погрузился в сон.

А ранним утром неожиданно проснулся от басистого рявканья. Выглянув наружу, сквозь туман над речкой увидел здоровенного медведя, лапой выщеплявшего из водяных струй на перекате крупных рыбин. Да это, похоже, старый знакомый!

Хотя зверь рыбачил не очень далеко, того животного страха, который парализовал все тело в первую встречу с гигантом, Саня почему-то не испытывал. Наоборот, было интересно наблюдать за ловкими движениями этакого, казалось бы, неуклюжего громилы.

Мишка был толстый и холеный. Видно, что сытый и рыбу ловит не столько для пропитания, сколько для собственного развлечения. Большинство выхваченных из пучины рыбин даже не долетали до берега, плюхаясь обратно в воду.

Саня так увлекся необычным зрелищем, что в какой-то момент даже рассмеялся. О чем сразу пожалел, но было уже поздно. Медведь поднял огромную морду и уставился прямо в глаза человеку. От этого взгляда холодок пробежал по спине. Убежать нереально, а найденный нож не спасет от такой громадины. Пока растерявшийся зэк мысленно искал варианты дальнейших действий, медведь отвернулся и вновь принялся за увлекательную рыбалку.

Когда ему это занятие надоело, неспешно направился вдоль берега вниз по течению, периодически поревывая, словно зовя за собой.

Оголодавший за двое суток парень выбрался из расщелины и, не теряя времени, спустился к песчаной косе берега. Из выловленной мишкой рыбы, все еще изредка подпрыгивающей на берегу, выхватил приличного таймешку и быстрее обратно

наверх, пока рыбак-хозяин не вернулся. Отойдя подальше, развел костерок и приготовил на свежих ивовых прутьях жаркое — пальчики оближешь.

Потом продолжил свой путь вдоль берега, с опаской поглядывая по сторонам, так как медвежьи следы то и дело попадались на песке, а иногда издалека доносился знакомый рев. Но день прошел без приключений.

На следующее утро, вскоре после того как продолжил движение, снова наткнулся на результат медвежьей рыбалки. Несколько крупных подлещиков и чебаков валялись на песчаной отмели. Видно, что мишка развлекался недавно — рыбины еще разевали рты.

«О, завтрак, как по режиму! — улыбнулся про себя Саня. — А в лагере сейчас макароны…» Но макарон как раз не хотелось. Быстро приготовив на костре пару рыбин, не задерживаясь, пошагал дальше.

Таким макаром зэк и передвигался по берегу, периодически нагоняя щедрого медведя-спасителя. Близко старался не приближаться, чтобы не провоцировать косолапого. Но тот, казалось, не обращал на привязавшегося тур*ы*ста-халявщика никакого внимания. Периодически доставал на перекатах из воды рыбу, а иногда надолго углублялся в таежную глушь по своим медвежьим делам. Но с основного маршрута вдоль реки все же почему-то не сворачивал.

На пятый или шестой день пути Саня увидел впереди на горке деревянный дом и сараи. Жилье. Подбирался с осторожностью. Незаметно выглядывал из-за елок, заходя с разных сторон. Как заправский разведчик, спустя пару часов определил, что особой опасности вроде нет. В огороде копошился бородатый дед довольно мирного вида, и бабуся из дома несколько раз выходила. Видать, вдвоем тут обитают.

В своем путешествии с периодическим дождем, холодными ночевками на голой земле Саня простыл и сейчас, как никогда, нуждался в горячем чае с травками (а лучше — самогонке домашней) и чем-нибудь посущественнее костлявых подлещиков.

В общем, на свой страх и риск вышел наконец из елового укрытия и направился к деду.

Дед, казалось, не особо удивился нежданному гостю. Провел в избу, усадил за стол, поближе к теплой печи. Выставили с бабкой нехитрый деревенский харч. И самогонку, кстати, не забыли.

Саня сочинил легенду, что грибник, мол. Заблудился. Но что это за грибник в зэковской робе! Дед таких «грибников» повидал на своем веку, поди, целый эшелон. Но виду не подал, старый черт.

А когда Саня рассказал про необычного медведя, оживился:

— О, этот мишка старожил! Мы с бабкой четверть века как здесь обосновались, так он, бродяга, тогда уже в округе хозяйничал. Всех конкурентов разогнал. Много лет других медведей километров на пятьдесят кругом не встречалось. Да и волков заметно поубавилось. Похоже, его лап это дело тоже. Зато травоядной дичи развелось!.. Если охотник, то других таких мест и не сыщешь. Вот, правда, охотнички к нам, на счастье, редко заглядывают. Далековато для простых смертных. А начальство с удобствами любит отдыхать, здесь в глухомани им неинтересно.

Заезжают, конечно, иногда пострелять ребята. Из Свердловска, с Тюмени добираются. Даже из Новосибирска бывали. Но редко.

А миша наш пришлых не жалует. Как-то завернула сюда компания охотников. За лосем. Один из них малька в сторону отклонился. Стал скалу обходить понизу и столкнулся нос к носу с медведем. А ты видел, какой он здоровущий! Парень хоть и держал ружье с пулей наизготовку, вмиг обделался, позабыв, как стрелять. Так и застыл на месте столбом. Медведь же подошел к нему, встал на дыбы (вроде как в атаку вот-вот бросится) да как рявкнет парню в морду!

Вот тут к сердешному резвость и вернулась. Словно ветром сдуло! До своих в пять минут доскакал ни жив ни мертв со страху. Пошли потом всей толпой брошенное ружье вызволять — дорогое оказалось. Да сколь ни искали, так и не нашли. Все кусты облазили на том месте — как в воду кануло. Вернулись без лося и без ружья. После рассказа перепуганного товарища охота к охоте пропала, стало быть. Попили водку на берегу, рябчиков постреляли и отвалили восвояси.

Мишка-то наш шибко умный зверь! Я иной раз даже думаю, и не зверь он вовсе. Вот со мной был случай. Привез с ближайшего поселка (ну, как ближайшего, полста километров, не меньше) на прицепе комбикорму и бракованного пшеничного зерна на корм скотине. Выгружать на ночь глядя не стал, намаялся за день. Перекусили и легли спать с бабкой. Вдруг ночью собаки хай подняли! Выскакиваю на двор, гляжу — мишка в гости заявился. Да не как положено «здрасте-пожалуйста», а по-хозяйски вытащил из прицепа мешок с пшеницей, подхватил зубами и понес в лес. И не волоком, а на весу (это мешок в полцентнера!), чтобы, значит, не порвался об сучья! Ох, сообразительный!

Я, конечно, покричал вслед для порядку, но стрелять ни-ни. Зачем пугать косолапого почем зря? А от одного мешка с меня не убудет.

Да, но это еще не самое главное. Знаешь, где я позже на этот мешок с пшеницей наткнулся? Вовек не догадаешься! Он ить, рыбья душа, приволок его к реке и забросил в одну из мелководных заводей. Чтобы, значит, рыбу приманить! В нашей речке рыба незакормленная, как у вас по большим городам. На это пшеничное зерно столько голодных лещей с чебаками наплыло, а за ними и таймешки с щуками. Медведюшка целый месяц потом от той заводи не отходил. Уж больно рыбку уважает!

А я с тех пор ему задачу облегчил. Каждое лето спецом два-три лишних мешка пшеницы привожу и рыбу в той заводи подкармливаю. И ему напрягаться не надо, и мне на дворе спокойнее.

Да, не заметил, мил человек, что он все с левой лапы рыбалит? Потому как левша наш мишка. Ну все как у людей… Не-е, все же непростой медведь, точно тебе говорю. Я один раз тоже с ним близко столкнулся. Глаза в глаза! Дак он меня своим взглядом словно насквозь прожег! И взгляд-то чисто человеческий, понятливый. Как будто ты весь со своими мыслями у него на ладони…

Мы с бабкой даже имя ему придумали! Селивёрст…

Почему Селивёрст, говоришь?.. А не знаю… прилипло на язык и всё тут!..